

МАРК ЗОЛОТАРЕВСКИЙ

Великая Октябрьская

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ТРАГЕДИИ



Марк Золотаревский

**Великая Октябрьская.
Послесловие к трагедии**

«Издательские решения»

Золотаревский М.

Великая Октябрьская. Послесловие к трагедии /
М. Золотаревский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-502033-8

Тема книги — революция в России 1917 г. и ее место в русской истории. Или, более осторожно, — события, именуемые революцией, приведшие в результате к установлению невиданного ранее режима советской власти. А в конечном счете — и к исчезновению по следам всего этого с лица Земли целой цивилизации, кропотливо создававшейся /выстраивавшейся буквально по кирпичику/ на протяжении всего предшествующего тысячелетия. Хотя до последнего момента, казалось, ничто не предвещало такого развития событий...

ISBN 978-5-00-502033-8

© Золотаревский М.
© Издательские решения

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
ВВЕДЕНИЕ	8
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Великая Октябрьская Послесловие к трагедии

Марк Золотаревский

© Марк Золотаревский, 2019

ISBN 978-5-0050-2033-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Марк Золотаревский

ВЕЛИКАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ

Послесловие к трагедии

Иерусалим

2019

Марк Золотаревский

ВЕЛИКАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ

Послесловие к трагедии

© Все права принадлежат автору

На обложке: В. И. Ленин. Москва, 1 мая 1920 г.

Нашему поколению удалось выполнить работу, изумительную по своей исторической значительности. Вынужденная условиями жестокость нашей жизни будет понята и оправдана. Все будет понято, все!

В. И. Ленин

ПРЕДИСЛОВИЕ

С чего начать? – один из нелегких вопросов, которые приходится решать авторам, приступающим /автору, приступающему/ к изложению предмета с подобной объемной проблематикой. Каждый, понятно, решает его по-своему, руководствуясь, опять же понятно, какими-то своими соображениями /резонами/. В качестве примера и в порядке разминки перед тем, как я перейду уже к изложению своего понимания заявленного здесь предмета, приведу цитату из П. Н. Милокова, его «Истории второй русской революции» с его решением вопроса «с чего начать?». Выбор оправдан, конечно, в первую очередь общностью проблематики /во всяком случае, как это можно было бы заключить из названия/, с которой предстоит разбираться и нам в данной работе. Но также – и личностью самого автора, зарекомендовавшего себя как замечательного специалиста в области русской истории и культуры. /Зарекомендовавшего себя еще и в качестве политика – участника обсуждаемых здесь событий, нельзя обойти этого обстоятельства или, лучше сказать, нельзя не упомянуть, но это отдельная тема/. Скорее изложение, чем цитата в принятом значении этого слова, потому без кавычек. И еще одно отступление от традиции – размеры цитируемого таким образом отрывка, но он того стоит. Итак.

С чего начать историю второй революции? Тот, кто будет писать эту историю, должен будет, конечно, искать ее корни глубоко в прошлом, в истории русской культуры. Ибо при всем ультрамодерном содержании выставленных в этой революции программ, призывов и лозунгов, действительность русской революции вскрыла ее тесную и неразрывную связь со всем русским прошлым.

Сразу скажу /это уже мой текст/, согласен с одной оговоркой: то же следует повторить по поводу корней любой революции, их связи с прошлым народов, которым довелось пережить это несчастье. В том числе – и Великой Французской, сравнению с которой уделено немалое внимание в предстоящем изложении. Но продолжим.

Как могучий геологический переворот шутя сбрасывает покров позднейших культурных наслоений и выносит на поверхность давно покрытые ими пласты, напоминающие о седой старине, о давно минувших эпохах истории Земли, так русская революция обнаружила перед нами всю нашу историческую структуру, лишь слабо прикрытую поверхностным слоем недавних культурных приобретений. Изучение русской революции тем самым приобретает в наши дни новый своеобразный интерес, ибо по социальным и культурным пластам, оказавшимся на поверхности русского переворота, внимательный наблюдатель может наглядно проследить историю нашего прошлого.

Так основная черта, проявленная нашим революционным процессом, составляющая и основную причину его печального исхода, есть слабость русской государственности и преобладание в стране безгосударственных и анархических элементов. Но разве не является эта черта неизбежным следствием такого хода исторического процесса, в котором пришедшая извне государственность постоянно опережала внутренний органический рост государственности? А другая характерная черта – слабость верхних социальных слоев, так легко уступивших место, а потом и отброшенных в сторону народным потоком? Разве не вытекает эта слабость из всей истории нашего «первенствующего сословия»? Разве не связан с этим прошлым, перешедшим в настоящее, и традиционный взгляд русского крестьянства на землю, сохранившую в самом названии «помещичьей» память о своем историческом предназначении? А почти полное отсутствие «буржуазии» в истинном смысле этого слова, ее политическое бессилие, при всем широком применении клички «буржуй» ко всякому, кто носит крахмальный воротничок и ходит в котелке? Да и как могло быть иначе, когда и развитие русской промышленности, и развитие городов явилось в сколь-нибудь серьезных размерах плодом последних десятиле-

тий и когда еще 30 лет назад серьезные писатели глубокомысленно обсуждали вопрос о том, не может ли Россия вообще миновать «стадию капитализма»?

С двумя отмеченными чертами: слабостью русской государственности и с примитивностью русской социальной структуры – тесно связана и третья характерная черта нашего революционного процесса – идейная беспомощность и утопичность стремлений русской интеллигенции. Да и как может быть иначе, когда вся наша новая культурная традиция /с Петра/ создана всего лишь восьмью поколениями наших предшественников и когда эта работа резко и безвозвратно отделена от бытовой культуры того периода. За что Россия поплатилась неудачей двух своих революций и бесплодной растратой национальных ценностей, особенно дорогих в небогатой такими ценностями стране.

Конечно, несовершенство и незрелость политической мысли на почве безгосударственности, слабости социальных прослоек не могут явиться единственным объяснением неудач, постигавших до сих пор наше политическое движение. Другим фактором являются бессознательность и темнота русской народной массы, которые, собственно, и сделали утопичным применение к нашей действительности даже идей, частью уже и осуществленных среди народов, подготовленных к непосредственному участию в государственной деятельности. Этот народ, сохранивший мировоззрение иных столетий, предстал перед наблюдателями его психоза почти как какая-то другая раса. Интернационалистическому социализму было легко провести на почве образовавшейся культурной розни глубокую социальную грань и раздуть в яркое пламя социальную вражду народа к «варягам», «земщины» к «дружине», выражаясь славянофильскими терминами. И т. д. /следует ряд соображений на которых я здесь останавливаться не буду/.

Повторяем, философ истории русской революции не сможет обойти всех этих глубоких корней и нитей, связывающих вторую русскую революцию со всем ходом и результатом русского исторического процесса. Но наша задача гораздо проще. Мы ставим себе целью возможно точное и подробное фактическое описание совершившегося на наших глазах. Конец цитаты.

Далее подробности того, что под этим подразумевается и как это осуществляется в данной работе.

Поворот, надо признаться, после всего сказанного достаточно неожиданный. Мы здесь, напротив, в эти подробности углубляться не будем, поскольку не они являются предметом нашего изложения, а те самые корни и нити, связывающие русскую революцию со всем русским прошлым, от которых уходит в своем изложении Милюков. Во всяком случае, декларирует свой уход в этом введении после всех рассуждений о корнях, частично, по крайней мере, выше процитированных.

И еще от чего уходит Милюков – от определения предпосылки перечисленных им особенностей русской истории, той самой, которая делает неизбежными эти особенности, а с ними вместе – и особенности всей состоявшейся русской истории в целом. Чему также будет уделено здесь необходимое внимание. С чего и начнем.

ВВЕДЕНИЕ

1. Начну /начнем/ с цитаты, удачно, по-моему, формулирующей эту самую предпосылку, как она в данной работе понимается, которой, как было сказано, обязана своими особенностями состоявшаяся уже русская история. А с нею – и интересующие нас события, корни которых уходят глубоко в русское прошлое.

«На Западе природа – мать, на Востоке – мачеха... Уже поэтому обе половины Европы должны были иметь различную историю». /С. М. Соловьев/

Другими словами, упомянутое прошлое, в котором, по Милюкову /и не только/, следует искать корни русской революции, в свою очередь имеет корни – в природе пространства, на котором расположено Русское государство. Логично, если принять во внимание, что природе обязаны мы уже самой возможностью на Земле какой бы то ни было истории. Тем более следует ожидать, что ее регионы, заметно отличающиеся природными условиями, подобно упомянутым половинам Европы, будут иметь и различающуюся историю. Они ее и имели – насколько и пока та и другая Европы, скажем так, могли иметь /позволено им было иметь/ эти различия.

Однако уже в Новое время успехи рыночной экономики и последовавшие за ними изменения в проводимой там и там политике внутренней и внешней /вынужденные ими изменения/ поставили решение этих вопросов в иную плоскость. Европе Западной стало тесно на одной территории с Восточной, которой в этой связи предстояло попросту исчезнуть. Начиная с действовавшего тут режима самодержавия, в котором аккумулировались по тому времени интересующие нас отличия. Или скажем так: Европе предстояло стать сплошным Западом, каким она, если посмотреть из сегодняшнего дня, с теми или другими оговорками, можно сказать, стала. /Хотя, что тут на самом деле «стало», разговор отдельный/.

Таковы факты /назовем это так/, на фоне которых события 1917 года – всего лишь один из эпизодов растянувшейся в этой части Европы на три последних столетия трагедии противостояния культур и народов.

Естественно напрашиваются вопросы. И прежде всего: почему все-таки империя рухнула? Ибо «тесно» так или иначе обоим Европам было на протяжении всей истории их здесь существования, можно ли считать это аргументом для такого именно развития событий? Но и в самом деле, Российская империя находилась, казалось, в расцвете сил, занимала почетное место в ряду великих держав, переживала экономический и культурный подъем. Положение на фронтах – шел четвертый год войны, напомним – выглядело тоже более-менее благополучным, не хуже, по крайней мере, чем у союзников по коалиции. Скажем больше: победа коалиции, в которую входила Россия, над Германией была лишь делом времени. Уже и США активно готовились вступить в бой. И на этом фоне – отречение Николая II, а следом – отречение Михаила. «В апреле и мае 1917 года – напишет уже после войны генерал Людендорф – несмотря на наши победы на Эн и в Шампани, нас спасла только русская революция». Михаил, опять же напомним, отрекся от престола в пользу Временного правительства, созданного Думой. На чем Монархия прекращает свое существование.

Но и это не все. Вслед, опять же, в считанные месяцы буквально рушится и вся сложившаяся тут на протяжении предшествующего полутысячелетия государственность.

Известное высказывание В. В. Розанова в данной связи хорошо передает впечатление /ошеломляющее, прямо скажем/, произведенное всеми этими обрушениями на образованную публику того времени, пытающуюся определить со своим местом в происходящих событиях. Характерно, к слову уже, и название произведения, из которого я привожу это его высказывание: «Апокалипсис нашего времени». Одно стоит другого. И так.

«Русь слиняла в два дня. Самое большее – в три. Даже «Новое Время» нельзя было закрыть так скоро, как закрылась Русь. Поразительно, что она разом рассыпалась вся, до подробностей, до частностей. И собственно подобного потрясения никогда не бывало, не исключая «Великого переселения народов». Там была – эпоха, «два или три века». Здесь – три дня, кажется даже два. Не осталось Царства, не осталось Церкви, не осталось войска, и не осталось рабочего класса. Что же осталось-то? Станным образом – буквально ничего.

Остался подлый народ...»

Какой-то народ при всем том остался. Имеется в виду, можно предположить, заполнившая в это время города европейской части России масса потерявших так или иначе связь с землей недавних крестьян. Вопрос, с которым нам также предстоит еще разбираться.

И уже на развалинах начинается борьба за власть – право представлять государство и определять проводимую им политику, в которой неожиданно, опять же, для энтузиастов-разрушителей всех мастей, принявших участие в образовавшейся свалке, большевики оказались победителями. Неожиданно, стоит подчеркнуть, в том числе и для самих большевиков. Как неожиданными для них не менее стали и февральские события, знаменующие в известном смысле начало всей этой истории /катавасии/.

Часто цитируемый курьез в этой связи. Обращаясь к собранию молодых социалистов в Цюрихе 9/22/ января 1917 года, Ленин говорил, что хотя революция в Европе и неизбежна, «мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции». До отречения Николая II оставалось 50 дней /если я правильно подсчитал/. Не поверил Ленин в революцию и когда она произошла, увидев поначалу из того же Цюриха в событиях в Петрограде результат «заговора англо-французских империалистов».

И опять вопрос: как, в силу каких обстоятельств /стечения обстоятельств/ стало возможным установление здесь власти немногочисленной и малоизвестной в дореволюционный период партии революционного социализма? Почему кучке отморожков, как бы мы сейчас их назвали, поработивших в буквальном смысле Россию, не было оказано тут по-настоящему серьезного сопротивления?

Наконец, во что превратилась в результате всех следовавших затем событий некогда уникальная, ни на что более не похожая во всей прежней человеческой истории цивилизация?

Другая сторона той же проблемы, также нередко дискутируемая в литературе /поднимаемая по крайней мере/: какое направление мог бы принять ход всей этой истории, начиная с революции, поскольку она уже состоялась, если бы этот выдающийся без малейших кавычек ее деятель /я сейчас говорю о Ленине, конечно/ действительно до нее не дожил. Вопрос не праздный, имея в виду уникальность его вклада в развитие событий. Или если бы до нее не дожил Николай II, или, хотя бы, вовремя отрекся от престола в пользу более дееспособного в вопросах проводимой политики из возможных его преемников. Или если бы до нее не дожил хотя бы Троцкий. Но это уже тема для какого-нибудь другого исследования. Мы здесь будем говорить только о том, что действительно имело место, что действительно состоялось. В этом мы как раз и попробуем разобраться. /Одно исключение для Ленина все же сделано, о нем – в конце книги./

Собственно полемика не прекращается на протяжении всего прошедшего с тех пор столетия, усиливаясь обычно в связи с теми или иными очередными относящимися ко всем этим событиям круглыми датами. Особый интерес в этой связи представляет полемика, развернувшаяся в свое время среди эмиграции, т. е. в той самой среде, с которой связывалась тогда /во многом по сей день/ ответственность за происшедшее и в которой впервые вопрос: что же это было? со всей остротой был поставлен. /Как не менее остро до этого в ней же дискутировался вопрос: что же это будет?, см., в частности, Вехи и развернувшуюся вокруг них полемику./ Речь, конечно, об оказавшихся в этой эмиграции представителях русской интеллигенции в первую очередь /традиционно левой в той русской истории/, все главные устои

мировоззрения которых были до основания потрясены принявшим тут направление ходом событий. Воспитанные на преклонении перед революционными традициями /Великой Французской революции прежде всего/, они в массе своей, как известно, с энтузиазмом приняли революцию 1917 г. в ее февральской модификации /ипостаси/. Логика крушения старого политического строя до этого момента представлялась им понятной, при всех сохраняющихся разногласиях по частным вопросам происходящего и происшедшего.

Однако то, что за этим последовало, оказалось для них полной неожиданностью. И совсем уже необъяснимой стала для них устойчивость узурпировавшего тут власть /установившегося/ в октябре того же года большевистского режима. Что, собственно, и привело к постановке остающихся до сих пор неразрешенными вопросов. Для них в первую очередь – о природе этого самого большевизма, столь непредсказуемо вмешавшегося в разыгрывавшуюся до того по нотам буквально российскими либералами и социалистами политическую авантюру. Вот, например, как сложившееся положение вещей комментирует А. И. Деникин в своих Очерках еще в 1924 г. Можно сказать, по свежим следам.

«История откроет нам современные истоки большевизма – того огромного и страшного явления, которое раздавило Россию и потрясло мир, установит отдаленные и близкие причины катастрофы, заложенной в историческом прошлом страны, в духе ее народа, в социальных и экономических условиях его жизни. В цепи событий, поражающих современников своей полной неожиданностью, жестокой извращенностью и хаотической непоследовательностью – история найдет такую связь, суровую закономерность и, может быть, трагическую неизбежность».

Как и у Милюкова, последнее слово за историей: история еще откроет... Как сказал поэт: большое видится на расстоянии. Поэт только не сказал на каком именно расстоянии видится это большое. В данном случае, похоже, что прошедшего столетия оказалось все еще недостаточно.

Вопросы, конечно, на этом не заканчиваются. на некоторые из них мы попробуем /попытаемся/ здесь ответить.

2. Начать имеет смысл /начать отвечать на вопросы имеется в виду в данном случае/ с определения того, что следует понимать тут под революцией. /Что представляет собой советская власть, установившаяся в результате всех этих пертурбаций – об этом ближе к концу книги./ Узкое марксистское определение, достаточно, к слову, популярное не только в марксистской литературе, выглядит следующим образом. Цитирую по словарю, неважно какому, отличия не существенные. И неважно, скажу уже заодно, насколько дословно – поскольку и если допущенные вольности не искажают существа цитируемого. И еще: что впереди немало подобных цитат, я имею в виду незаковыченных, в том числе и без указания источника, по той же причине: содержание их представляет собой более-менее /плюс-минус/ общее место, так что теряет смысл /опять же, плюс-минус/ и то, и другое. Итак, что следует понимать под революцией.

Это коренной переворот в жизни общества, означающий низвержение отжившего и утверждение нового, прогрессивного общественного строя, орудие и средство перехода от одной общественно-экономической формации к другой. Революции – необходимый, закономерный результат развития классовой борьбы в антагонистических формациях. Они завершают процесс постепенного созревания в недрах старого общества элементов или предпосылок нового общественного строя, ломают отжившие производственные отношения и закрепляющую эти отношения политическую надстройку, открывают простор дальнейшему развитию производительных сил.

Ну и: «Переход государственной власти из рук одного в руки другого класса есть первый, главный, основной признак революции как в строго научном, так и практически-политическом значении этого понятия». /В. И. Ленин/

Понятно должно быть, что революции не следует смешивать с дворцовыми переворотами, путчами и т. п., которые ни к чему подобному не приводят и ничем подобным не сопровождаются. Нет смысла вдаваться тут в какие-то подробности.

Как уже было сказано, определение узкое, обязанное своей узостью в первую очередь связи, в которую поставлены в нем революция и общественный прогресс, ассоциируемый в данном случае с обретением демократических свобод, а также революция и открываемый ею простор для развития производительных сил общества. Ни того, ни другого с дистанции прошедшего времени, можно уже сказать, события, последовавшие за февралем, а потом и октябрём 1917 г. в России не обнаруживают. Во всяком случае, в том виде, в каком оно тогда представлялось и могло оправдать, хотя бы отчасти, принесенные на алтарь одержанной тут победы жертвы. Это кроме того, что сами понятия общественного прогресса, развития производительных сил, как и созревания предпосылок одного общества /общественного строя/ внутри другого, даваемые им тут определения порождают вопросы не всегда легко, по следам состоявшейся истории в том числе, разрешимые.

Отдельный вопрос: таким ли уж отжившим был монархический строй в России в период, предшествовавший состоявшейся революции, и таким уж закономерным было тут его низвержение?

Но мы в это сейчас углубляться не будем. Сделаем другое: уберем упомянутые проблематичные связи из интересующего нас определения и посмотрим, что остается. А остается то, что тоже можно назвать более-менее принятым определением революции, с которым /в отличие от приведенного выше/ мы в дальнейшем будем иметь дело. Или скажем так: пока с ним согласимся. Выглядит оно следующим образом. Это коренной переворот в жизни общества, сопровождающийся преобразованием классовой структуры и политической системы общества. По-другому – сменой общественно-экономической формации.

И еще необходимое условие революции: созревание предпосылок в недрах старой общественной системы, подготавливающее такой переворот – без уточнения пока о каких именно предпосылках идет речь. Что, собственно, и произошло в России в 1917 г. – уже без возражений, подобных тем, о которых говорилось выше.

Ну и замечание, заодно уже, относительно определения классов. Классами мы будем называть здесь группы людей, различающиеся все-таки по месту, занимаемому ими в общественном разделении труда, а не по их отношению к средствам производства /как у Маркса/, что бы и каким образом тут ни производилось. Что более соответствует предпринятой в данной работе попытке понять, что и почему в это время и в этом месте на самом деле произошло /из дальнейшего изложения сделанный выбор будет более понятен/. Тогда смена общественно-экономических формаций представляется переходом от одного общественного разделения труда к другому, а общественные классы, как и их принадлежность к той или другой из этих формаций – производными от этого разделения.

В роли актуального в нашем случае примера – общество /сообщество/, каким была Россия на протяжении ее истории. Начиная с варягов /о начале мы еще будем говорить, но допустим/, заявивших себя в качестве политической элиты новообразованной Киевской Руси исключительно на основании навязанного ими местному населению разделения труда: мы служилые, вы податные, мы отвечаем за все непростые ваши и наши отношения с окружающими странами и народами, вы – за наше и ваше материальное благополучие. Наглядный пример такого классового размежевания /оно же и сословное в данном случае/.

Собственно делить можно и так, и эдак, тут все зависит от решаемой задачи. Но и в самом деле, в основании наиболее кровавых конфликтов в любом обществе, начиная с конфликтов

между соседями, лежит отношение собственности. Или так скажем: отношение между людьми, выраженное через их отношение к вещам, на которые они претендуют в качестве собственности, так это еще можно сформулировать. Для Маркса, проявляющего к подобным разборкам прямо-таки патологический интерес, принятая им версия классового деления общества /деления общества на классы/ представляется безусловно предпочтительной. Вокруг него, соответственно, и группируются все его теоретические построения.

Большевики этот посыл его учения усвоили как никакие другие его последователи. И скажем уже заодно – как никакие другие его последователи выступили в роли /освоили роль/ разжигателей таких конфликтов. Приведу только один пример в качестве иллюстрации, но уж очень, по-моему, показательный. Вот что говорит Я. Свердлов о политике в отношении деревни после того, как в городе власть перешла уже в руки большевиков. Из его заявления 20 мая 1918 года.

«Мы должны самым серьезным образом поставить перед собой вопрос о расслоении в деревне, вопрос о создании в деревне двух противоположных враждебных сил... Только в том случае, если мы сможем расколоть деревню на два непримиримых враждебных лагеря, если мы сможем разжечь там ту же гражданскую войну, которая шла не так давно в городах... только в том случае мы сможем сказать, что мы и по отношению к деревне сделали то, что смогли сделать для города».

Замечательный по откровенности пассаж: ни тебе эксплуатации человека человеком, солидарности трудящихся всех стран, построения светлого будущего для всего человечества и тому подобного марксистского словотворчества, способного только затемнить суть дела. Но открытым текстом: расколоть деревню на два непримиримых враждебных лагеря, разжечь в ней ту же войну за собственность, которая шла до этого в городах. Язык куда как понятнее для исполнителей предстоящего ограбления деревни – того самого подлого /по Розанову/ народа, составившего социальную базу насаждаемого большевиками режима. Это после того, как в городе ограбили уже кого и что только можно. Т. е. по следам уже имеющегося в этом отношении опыта, на который Свердлов ссылается тоже без затемняющих суть дела эвфемизмов.

Дело оставалось за малым: как именно проводить это деление, «колоть» деревню на эти самые враждебные силы, или классы, кто тут кулак или буржуй, а кто пролетарий. Вопрос по сегодняшней день так до конца не разрешенный. /Деревни давно уже нет, вопрос остался./

Тут надо сказать, что классовая идентификация крестьянства и вообще представляет проблему для ортодоксального в той или иной степени марксизма, как и следующих ему марксистов. Проблема автоматически возникает из способа классификации – по отношению к средствам производства. Крестьянин собственник, но с другой стороны, он и труженик. Не укладывается в принятую жесткую классификацию на собственников средств производства и рабочую силу, другой собственности не имеющую. Т. е. вынужденную включаться в процесс производства единственно и только на основе найма. Проблема снимается, если соответствующее разделение в обществе проводить на основе, или апеллируя к общественному же разделению труда. Тогда сельский труженик не буржуа и не наемный рабочий, но представитель /пережиток/ другой формации, именуемой феодализмом, которого оставалось либо интегрировать как он есть во вновь образуемое сообщество, либо каким-то образом лишить его этого его традиционного статуса.

В конце концов большевики разрешили эту головоломку, лишив сельских тружеников традиционных в их среде средств производства /традиционной в их среде собственности/, переквалифицировав тем самым в пролетариев – владельцев исключительно своей рабочей силы. В действительности той колхозной жизни они тут лишены были права распоряжаться и этой своей собственностью.

Но вернемся к нашему /интересующему нас/ определению революции. Мы не войдем с ним в противоречие, если скажем, что необходимой предпосылкой буржуазных революций, происшедших в свое время в целом ряде стран к западу от России, стала развитость в них буржуазных отношений. Но это – к западу от России. С самой Россией оказалось сложнее: о развитости сколь-нибудь значительной в ней буржуазных отношений в период предшествовавший происшедшей в ней революции не приходится говорить. При всем том, снять это условие с повестки дня и в ее случае мы не можем, поскольку попытка насадить эти самые отношения в тот период, или в то время в России таки имела место и ее связь с последовавшими событиями не приходится отрицать /как бы ее результаты ни оценивались/. Вопрос остающийся открытым: в чем именно эта связь состояла /чего и с чем/?

И однако в 20-м столетии революции происходили уже не в индустриальных /индустриально развитых/ обществах, или странах, а в откровенно сельских, крестьянских, какой оставалась в рассматриваемый период, при всем сказанном, та же Россия, и в какой было положено начало этому новому в истории претворения в жизнь социальных /социалистических/ идей явлению. Со ссылками на все тот же марксизм, который по такому случаю требовалось соответствующим образом модернизировать. Применительно к событиям /как они развивались/ в России работа эта, получившая общее признание, проделана была Лениным.

Действительно новым в его прочтении марксизма стало то /отметим главное отличие, далее мы к этой теме еще вернемся/, что решающим условием успешности революции он назвал уже не развитость буржуазных отношений – как это было у Маркса и было на самом деле в период, предшествовавший состоявшимся уже в Европе революциям – но появление партии-авангарда с необходимой программой захвата власти, стратегией, тактикой и организационной дисциплиной, способными гарантировать победу. Развиты непосредственно сами буржуазные отношения или не развиты при всем том – вопрос, если не снимается окончательно с повестки дня, то, во всяком случае, решительно теряет в своей актуальности.

Ну и особенности революции именно и только в России, которые имеет смысл тут отметить.

Это ее на тот момент исключительность в ряду предшествовавших ей революций в странах Запада с развитой буржуазной экономикой. Тут все происходило впервые, ничего нельзя было предсказать заранее. Как и позаимствовать в подлинном значении этого слова. Приходилось импровизировать.

Это, кроме того, оказанное ею влияние на ход событий не только русской или европейской, но и мировой истории в целом. Сравнить можно разве что с влиянием Великой Французской революции, на которую, к слову, здесь принято было постоянно ссылаться и по аналогии с событиями которой /при всех отличиях/ искать объяснения и оправдания происходившего.

И еще одно отличие того, что происходило в России, аналогов чему не существует уже не только в предшествующей, но и во всей последующей истории. Состоит оно в том, что тут полностью поменялся еще и субъект истории. Или так еще можно сказать: прежняя Россия с ее традициями и историей, со сформировавшимся на протяжении многих предшествующих столетий ее жизненным укладом перестала существовать. В этой части, по крайней мере, задача, решавшаяся здесь пришедшими к власти /захватившими тут власть/ в результате Октябрьского переворота и последовавшей затем гражданской войны большевиками была выполнена: старый мир был в буквальном смысле разрушен «до основания». Да и каким другим мог быть результат проводившейся ими здесь на протяжении жизни, можно сказать, трех поколений самыми жесткими методами установки на тотальный разрыв с прошлым, дискредитацию и отрицание всех прежних ценностей?

И наконец, построенный на этом /расчищенном таким образом/ основании социализм, или «новый мир», оказавшийся на поверку – при всех понесенных издержках и проявленном его строителями и устроителями энтузиазме – совсем не тем раем, или идеальным челове-

ским общежитием, каким это мерещилось его архитекторам, начиная с французских утопистов. Капитальным признанием чего стал сам развал этого новопостроенного мира /общежития/, не менее «до основания», что примечательно, еще и самими его устроителями /еще одна самоликвидация/. Событие уже конца XX столетия, буквально на наших глазах и, можно сказать, по тому же сценарию: опять Дума, гласность, дискредитация всех прежних ценностей и т. д. Но мы тут уже забегаем вперед.

3. К определению революции /революции в России, если точнее/ мы еще вернемся. Сейчас в нескольких словах буквально о том, что представляет собой на сегодняшний день историческая наука, та самая история, от которой мы ждем ответа на поставленные вопросы. Тема с богатой проблематикой, более подходящая для отдельной работы. Мы здесь ограничимся только самым необходимым, продиктованным потребностями непосредственно решаемой задачи /потребностями предстоящего изложения, можно и так это сформулировать/.

Начнем /естественно начать/ с самых общих соображений. Например с того, что история, по общему признанию, наука или дисциплина лучше сказать, на сегодняшний день все еще описательная главным образом, удовлетворяющаяся изложением хода имевших место событий. Разумеется, события, прежде чем быть изложенными, должны быть реконструированы по источникам, а при изложении еще и упорядочены в соответствии с временем их происхождения. Разумеется не менее, что они должны быть еще и идентифицированы – крайне непростая процедура, к слову, в чем можно убедиться на примере рассматриваемых событий /в частности/, идентификацией которых нам предстоит здесь заниматься /чему, по существу, посвящена предлагаемая работа/.

Еще одно непереносимое условие – время, отделяющее нашего историка от интересующего его события, дабы это событие можно было признать фактом этой самой истории, а тем самым и предметом его исторического исследования. Оно должно быть достаточным, чтобы о событии можно было судить /выносить заключения/ в том числе и на основании ставших уже известными его последствий, а не одних только причинно-следственных связей, будь то имевших место на самом деле или предполагаемых, сделавших возможным само его появление.

Имеется в виду в данном случае особенность событий, или явлений общественной жизни, представляющих предмет исторического исследования, состоящая в том, что события эти, или явления не повторяются. Соответственно, у нас нет возможности и проверить традиционными методами предположения об их происхождении. А значит, нет возможности и судить о них со сколь-нибудь приемлемой степенью достоверности, основываясь на этих предположениях. Во всяком случае – исключительно и только на этих предположениях, как это имеет место, например, в физике. Остающаяся возможность – суждение по последствиям. Но это и означает, что значимым фактором в нашем познании истории становится время, отделяющее историка от предмета его исследования. Ну и поскольку последствия имеют способность накапливаться, у историка /историков/ всегда есть работа.

Не надо далеко ходить за примером. Из нашего сегодняшнего далека интересующий нас тут 17-й год видится уже не так, как он виделся до Перестройки, как он виделся тем же Деникину и Розанову, в частности. Что уже является достаточным поводом /ко всему прочему/ для предпринятого здесь основательного пересмотра существующих до сих пор в его отношении взглядов и мнений. К концу книги /ближе к концу/ мы к обсуждению этих вопросов еще вернемся.

Еще одно следствие упомянутой особенности предмета исторического исследования – то особое значение, которое приобретают отличия, или учет отличий при том широком использовании аналогии, которое традиционно имеет место в качестве метода познания в истории и где традиционно не менее акцент принято делать на сходстве событий. В нашем конкретном

случае – на сходстве с Великой Французской революцией, к аналогии с которой мы не раз будем обращаться. Нас тут, во всяком случае, равно будут интересовать и отличия.

Отдельный в этой связи непростой вопрос: где кончаются события и начинаются следствия, или последствия? Применительно к нашему случаю: где кончается революция в России, начатая здесь февральским переворотом? К обсуждению его мы далее также еще вернемся.

О чем следует еще сказать /обстоятельство не менее общее/. Присутствуют здесь и теоретические соображения, под которыми понимаются логические построения не привязанные непосредственно к отдельным или, может, лучше сказать – к конкретным событиям. Но присутствуют как бы отдельно от истории описательно-событийной, которую, по идее, они призваны объяснять. Не в том смысле, конечно, что теоретические соображения никак не сказываются на изложении историками своего предмета. Это означает другое: что те или другие из них могут изложить его и так, и эдак, в зависимости от той или другой принятой ими к исповеданию концепции истории /представленной подобными соображениями/, с одинаковой возможностью настаивать на легитимности своего изложения.

Не нужно, опять же, далеко ходить за примером. Та же Октябрьская революция в контексте другой подобной группы соображений может вполне оказаться и контрреволюцией. Вот, например, что говорит об этом Александр Яковлев, идеолог Перестройки, как его часто представляют, и второй человек в партии, которой мы обязаны этой самой революцией /в его книге-исповеди «Омут памяти»/:

«Я пришел к глубокому убеждению, что октябрьский переворот является контрреволюцией, положившей начало созданию уголовно-террористического государства фашистского типа».

Или в другом месте:

«На мой взгляд, Перестройка – это стихийно вызревшая в недрах общества попытка как бы излечить безумие октябрьской контрреволюции 1917 года, покончить с уголовщиной, произволом и безнравственностью власти».

О том же Дмитрий Волкогонов /в его книге «Ленин»/:

«Мы не задумывались над тем, что октябрьский „прорыв“ 1917-го в значительной мере был контрреволюцией по отношению к Февралю. Исторический шанс, появившийся в связи с Февральской революцией, всенародным представительством в форме Учредительного собрания, естественным разномыслием и многопартийностью, был ленинцами безжалостно ликвидирован».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.